

Намъ кажется, что невольно долженъ призадуматься всякій свѣжій человѣкъ, прочитавши подобныя вещи. Развѣ это похоже на человѣческій разговоръ? Развѣ есть тутъ дѣйствительный человѣческій смыслъ?

Если принять этотъ разговоръ буквально, если не предполагать, что у преподавателя при этомъ есть задняя мысль и что сами ученики догадываются объ этой мысли, то можно положительно сказать, что никогда человѣческое мышленіе не ходитъ такими путями, да едва ли ходитъ и какое-нибудь низшее, на примѣръ собачье мышленіе. Въ самомъ дѣлѣ очевидно въ приведенномъ разговорѣ *цѣли* для мышленія не полагается и *направленія* для него не указывается. Между тѣмъ никогда мышленіе не дѣлаетъ ни шагу, не опредѣляя себѣ *цѣли* и *направленія*. Не знаемъ, какъ у собакъ, но у людей это составляетъ существенную принадлежность того что называется мыслью.

Въ разговорѣ совершенно явно предполагается, что ученики не знаютъ чего хочетъ учитель. Каждый вопросъ его есть новый шагъ неизвѣстно куда. Ибо еслибы только ученики догадались къ чему идетъ дѣло, то для чего бы было заставлять ихъ смотрѣть въ окна, затворять ставни и т. п.? Еслибы они догадались чего хочется учителю, они сейчасъ бы рѣшили вопросъ.

Но предположимъ, что ученики нисколько не догадываются, что они настолько тупы, какъ этого *желаетъ* учитель. Ужели можно подумать, что его разговоръ выведетъ ихъ изъ тупости и дастъ движеніе ихъ мысли? Невозможное дѣло. Собственно говоря, еслибы у нихъ не было задней мысли объ умѣ учителя, о трудности ученья и т. п., то они должны бы прійти отъ дѣйствій учителя въ совершенное изумленіе и счесть его помѣшаннымъ. Зачѣмъ онъ принесъ кусокъ стекла, будто мы никогда стекла не видали? Зачѣмъ онъ спрашиваетъ, гдѣ еще стекло, точно мы не умѣемъ узнать стекла? Зачѣмъ заставляеть глядѣть въ окно? Зачѣмъ затворяеть ставни и т. п. Еслибы, говоримъ, дѣти не знали, что это ученье, а не простое дѣло, то при этомъ необыкновенномъ закрытіи ставень они должны бы были прійти въ ужасъ, раскричаться и расплакаться со страху.

Любопытства ради приведемъ еще одинъ примѣръ. Въ декабрьской книжкѣ «журнала мин. нар. проsv. (1862)» есть слѣдующій образчикъ разговора учителя съ дѣтьми.

Учитель. Знаете что такое вода? Видали воду?

Ученики. Видали, знаемъ.

Учитель. Чтоже такое вода?

Нѣкоторые говорятъ вода, другіе: лужа.